

Т. Г. Соловей, Д. М. Франкевич
ВГУ, Минск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В статье рассматривается процесс становления политической лингвистики как новой междисциплинарной области социально-гуманитарного знания. Предпринимается попытка определить предмет и задачи политической лингвистики, выделить основные направления исследований.

The article describes the process of becoming political linguistics as a new interdisciplinary field of socio-humanitarian knowledge. There is an attempt to define the subject and tasks of political linguistics and to identify major areas of research.

В последние десятилетия наиболее перспективные научные направления возникают в зоне сопряжения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая лингвистика, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и участвуящая в достижении этой цели, социальной психологии, социологии и других гуманитарных наук. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации. Политика — это сфера борьбы за власть, и этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием. Язык играет активную роль в мире политики, и эта роль постоянно усиливается. Политика, в свою очередь, выступает для ственным фактором языкового развития и языковых отношений.

Политическая лингвистика как самостоятельное научное направление возникла во второй половине XX в. Зарождение этой науки специалисты связывают с именами Г. Лассуэля, Дж. Блумфилда, Р. Вольфа, Т. А. ван Дейка, И. Хейзинга, Р. Барта, П. Бурдье и др. «Разработать общую теорию языка как фактора власти», — так формулирует цель политической лингвистики на новой субдисциплины Г. Лассуэль в своей работе «Язык политики: когнитивные исследования семантики» (1949) [1, с. 76]. За несколько десятилетий своего существования политическая лингвистика добилась значительных успехов. Характерными чертами современного состояния этой научной дисциплины в постсоветских странах является ее методологическое сближение с зарубежными исследованиями и существенное расширение сферы исследований.

Политическая лингвистика как относительно самостоятельное структурное образование выделяется чаще всего лингвистами. Присутствие политической лингвистики в качестве особого направления в процессе дифференциации знаний о политическом пока общепризнанного статуса не получило. Политологи, хотя и уделяют большое внимание проблемам взаимосвязи языка и политики, обычно включают предпринимаемый анализ в

контекст либо политических коммуникаций, либо политической культуры. Политическая лингвистика в номенклатуру разделов политической науки политологами практически не включается. Междисциплинарный анализ политической науки и лингвистики, результатом которого стало появление политической лингвистики, носит пока преимущественно лингвистический характер. В этой связи представляется важным и необходимым использовать потенциал политической науки в интересах познания широких отношений в их взаимном наложении с властно-управленческими языковыми отношениями.

Понимание сущности и специфики любой науки невозможно без определения предмета ее исследования. В научной литературе вопрос о предмете политической лингвистики трактуется далеко не однозначно. Часть исследователей склонна ставить знак равенства между политической лингвистикой и изучением политического дискурса (А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, А. П. Чулинов и др.). Несмотря на возросшее внимание к политике, А. П. Чулинов и др.) Несмотря на возросшее внимание к политике, своему дискурсу, его общепринятого определения пока нет. Первоначально Ю. Хабрмас использовал данный термин для обозначения вида речевой коммуникации, предполагающей рациональное, критическое рассмотрение ценности, норм и правил социальной жизни. Современное понимание дискурса значительно расширилось. Дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, совокупность экстралингвистических (экономических, идеологических, культурно-исторических, психологических и др.) факторов, необходимых для его понимания [2, с. 77]. Большинство авторов политический дискурс трактуется как «знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство знаний, образов, смыслов, ценностей на производстве и воспроизводство знаний, образов, смыслов, ценностей, ценностей и интерпретаций, обеспечивающих репрезентацию, позиционирование и иерархизацию социальных субъектов в динамическом пространстве политики» [3, с. 29]. Сведение политической лингвистики к изучению политического дискурса, по сути, рассматривает ее в качестве одного из разделов прикладной лингвистики.

Другой подход связан с пониманием данной аналитической области в качестве междисциплинарной и комплексной (Л. М. Мухармова, Н. М. Мухомов, Т. Г. Корнейко). Исследованию подлещит не только влияние языка на политику через дискурс, но и политики на язык. В сферу интересов политической лингвистики как интегральной дисциплины включаются многообразные проявления указанного взаимодействия — и язык политики в совокупности дискурсивных и недискурсивных его составляющих, и языковые аспекты отношений власти-подчинения, и языковая политика, политикоправовой режим языковой жизни общества и др. Тем самым ставится задача соединить в общем предметном пространстве весь спектр онтологических способов взаимодействия языка и политики: от политического потенциала, присутствующего в языке, до конкретных механизмов языковой политики.

Предметом политической лингвистики в таком ее понимании является совокупность политико-языковых отношений; позиции, взгляды и установки, мотивы поведения и деятельности субъектов этих отношений, весь спектр политических измерений языковой жизни общества и языковой мерыции политики [4, с. 59]. Политико-языковые отношения выступают в самом как отношения по поводу «языка в политике и политики в языке». Как нам представляется, именно данный подход к определению политической лингвистики является наиболее обоснованным и перспективным в современных условиях.

Основу понятийно-категориального аппарата политической лингвистики составляют концепты «язык политики» – «политика языка» – «языковая политика». Базовыми понятиями исследуемой дисциплины являются также: «политический язык», «политико-языковые отношения», «политический дискурс», «политическая коммуникация», «политический текст», «политическая риторика», «лингвополитическое сообщество», «языковая идентичность» и др. Особенности концептуального словаря политической лингвистики определяются междисциплинарной природой этой области познания и заведомо предполагает практику широких терминологических заимствований из разных областей. Большинство понятий политической лингвистики носят синтетический характер, состоя в себе как политологические, так и лингвистические смыслы. Однако дело не может быть сведено к простому механическому соединению политической науки и языковедения, прежде всего социолингвистики. Формирование специализированных терминологии, уточнение и обновление понятийного аппарата, разработка методологии и методов исследования являются важными условиями становления новой научной дисциплины.

В современной политической лингвистике сформировались различные направления исследований. Прежде всего это исследования в области ориентационных основ политической лингвистики. Сюда относятся публикации, авторы которых стремятся осмыслить общие категории политической лингвистики, раскрыть методологические основы этой науки, сущность специфику языка политики, основные подходы к анализу политического дискурса.

Большое внимание в рамках политической лингвистики традиционно отводилось изучению политической риторики, специфики отдельных родов и стилей политического языка. Специалисты анализируют особенности митинговой речи, предвыборной полемики, парламентских дебатов, языков средств массовой информации, идеологии различных политических партий, партий и т. п.

Язык – динамическая, адаптивная система, чутко реагирующая на изменения в социуме. Это многослойный и полифункциональный феномен, отражающий культуру, ментальность, «дух» определенного языкового сообщества. Каждый новый поворот в историческом развитии государства

приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус. В этом смысле политические феномены невозможно представить себе без политического языка и политико-культурной среды обитания их субъектов.

Важной задачей политической лингвистики является исследование политического языка как вида политической практики. Политический язык – необходимый инструмент политики и власти. Язык не только отражает действительность, но и формирует ее посредством информационного воздействия. Он обеспечивает передачу политической информации, формирование социальных и политических идеалов, норм и ценностей, политический убеждений граждан. Политическая речь – один из самых сильных способов воздействия на сознание и поведение человека. Дискурсы представляют собой мощный властный ресурс, посредством которого государства и общественные институты осуществляют свою самопрезентацию, легитимацию, конструирование и продвижение тех или иных образов реальности, позиционирование социальных субъектов в политическом пространстве.

Использование языка в качестве орудия власти оказалось предметом внимания многих исследователей. Мощным толчком к изучению явлений, связанных с взаимоотношениями власти и языка, стал опыт «тотальной диктатуры» языка в тоталитарных режимах Германии и Советского Союза 30–40 гг. XX в. Дж. Оруэлл в своем романе-антиутопии «1984» описал принцип «двоемыслия» и словарь «новояз» (newspeak), т. е. на конкретных примерах показал способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Согласно Оруэллу и его последователям, мысль полностью деформирована языком. Следовательно, если деспотическое правительство хочет ограничить количество объектов, о которых можно помыслить, ему необходимо убрать из языка соответствующие понятия.

Немецкий литературовед В. Клемперер, в свою очередь, описывал символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неподходящие» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов.

Изменение характера политической власти неизбежно влияет на характер структуры и функции языка. Политический дискурс постсоветского общества отличается существенным обновлением содержания и формы коммуникативной деятельности. В прошлом остались жесткая регламентация, строгое следование всевозможным нормам (языковым, речевым, кадровым, композиторским и др.), стандартизированность и лозунговость. Новый политический язык отличается стремление к индивидуальности, экспрессивности, но вместе с тем и широкое заимствование иностранных слов, значительное влияние жаргонной и просторечной языковой среды [5, с. 18].

Еще одним важным направлением исследований является сравнительный анализ политической коммуникации в разных странах. В каждом государстве есть свои огничительные особенности в способах восприятия языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры. Так, одной из особенностей российского политического дискурса является его преимущественно письменный характер. За последние десятилетия в российском политическом дискурсе наблюдается тенденция к большому количеству текстов. Англо-американская же политическая культура – это преимущественно устная культура [6, с. 172].

Все большее внимание в рамках политической лингвистики уделяется просам языковой политики и языкового строительства. Под языковой политикой понимается совокупность действий властных структур в отношении языка, в частности, выбор официального государственного языка, определение положения других языков по отношению к государственному, кодификация, нормализация и совершенствование норм официального языка, ликвидация неграмотности и др. [7, с. 298]. Языковая политика может быть конструктивной, направленной на расширение функций и роли языка, и деструктивной. Различают языковую политику в условиях одноязычного государства, языковую политику в условиях многоязычного государства и языковую политику за пределами данного государства. Преимущество во властной иерархии в межкультурной арене дает возможность языковой экспансии.

В современных условиях актуализируется анализ языка и политики в контексте глобализации. Мнения относительно языковых компонентов глобализации контрастны: от позитивной оценки эффективности и престижности английского языка как средства межкультурной коммуникации до утверждений о «лингвистическом империализме», угрозе уничтожения этнолингвистического разнообразия [8, с. 180]. Процессы глобализации обостряют проблемы языковой идентификации и языковой вариативности. Для политической лингвистики характерно сегодня многообразие тем и направлений исследований, использование различных методов и приемов изучения политического языка и политической коммуникации. Политическая лингвистика является молодой, но перспективной и быстро развивающейся научной дисциплиной.

Список литературы

1. Корнейко, Т. Г. Основные подходы к изучению политического языка в современных лингвистических исследованиях // Т. Г. Корнейко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Политические науки. – 2003. – № 5. – С. 74–85.
2. Чернишова, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернишова. – М.: Флинт, Наука, 2006. – 134 с.
3. Русакова, О. Ф. Политическая дискурология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимова // Полит. 2006. – № 4. – С. 26–43.

4. Мухоморова, Л. М. Политическая лингвистика как научная дисциплина / Л. М. Мухоморова, Н. М. Мухоморов // Политический дискурс: история и современные исследования / Общ. труды / РАН ИНИОН, отв. ред. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. – М., 2002. – С. 44–60.
5. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинт, Наука, 2008. – 255 с.
6. Алтунина, А. Г. Анализ политических текстов / А. Г. Алтунина. – М.: Университетская книга, 2006. – 384 с.
7. Мухоморова, Л. М. Язык и власть: механизмы взаимодействия и взаимозависимости / Л. М. Мухоморова // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. – 2009. – Вып. 2. – С. 298–302.
8. Соколова, О. Е. Политическая лингвистика / О. Е. Соколова // Полит. – 2004. – № 4. – С. 179–182.

А. В. Соколов Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск АЛЬЯНС «АЛБА» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Статья посвящена вопросу оценки роли интеграционного блока «АЛБА» в системе европейских макроэкономических отношений, его геополитического потенциала в дальнейшей перспективе развития как в масштабе Латинской Америки, так и мирового сообщества в целом, эффективности взаимодействия альянса с Бразилией с целью выработки принципиальных направлений сотрудничества.

The article is devoted to the problems of the estimation of the influence of the alliance «ALBA» on present system of international relations, its geopolitical potential in the future both on a scale of the Latin American region and the whole world as well, and the effectiveness of mutual relations with Brazil in order to elaborate further priority directions for cooperation.

Интеграционный блок «Боливарианский альянс для народов нашей Америки – Торговый договор народов» (АЛБА) – крупный региональный блок государств, созданный в 2004 г., обладающий уникальными характеристиками, отличающими его от подобных объединений в Латинской Америке. Подталкивающие большинство альянсов в регионе имеют односторонний вектор действия: военный, экономический или политический. Блок «АЛБА» ставит перед собой глобальную задачу – содействие торговле и кооперации между ее участниками, проведение единой монетарной политики, политической, военную интеграцию, решение национальных, этнических проблем и борьбу с терроризмом, таким образом, представляя собой комплексное социально-экономическое и политическое объединение.

В настоящий момент в состав блока входят: Боливия, Венесуэла, Куба, Никарагуа, Эквадор, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины и Антигуа и Барбуда с общей территорией в 2,6 млн квадратных километров, населением более чем 73 млн человек и совокупным валовым внутренним продуктом в 640 млрд долларов США. Очевидно, что альянс представляет серьезную политическую и экономическую силу на международной арене.